

Прибылев Александр Васильевич

**В динамитной мастерской и
Карийская политическая тюрьма**

Из воспоминаний народовольца

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Васильевич П.**
В динамитной мастерской и Кари́йская политическая тюрьма: Из воспоминаний народо-
вольца / Прибылев Александр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 79 с.

ISBN 978-5-519-79548-7

ISBN 978-5-519-79548-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Что представляла из себя к этому времени народовольческая революционная молодежь? Восприняв целиком задания, программу и тактику «Народной Воли», мы не переставали быть народолюбцами, не утратили в себе того чувства долга перед забитым, униженным и страдающим народом, какой был присущ поколению 70-х годов. Мы только ушли в «политику», переменили взгляды на старую тактику, оказавшуюся несвоевременной, отказались от нее в силу полученного опыта, но наше общее миропонимание от того не изменилось. Народ, уже понятый нами, но не понявший нас, оставался нам так же дорог, так же привлекал наши симпатии и стремления прийти к нему на помощь, освободить его. В этом смысле тогдашняя революционная молодежь оставалась «народнической», каковой и была до конца деятельности партии «Народная Воля». Если некоторая часть ее и шла исключительно в террор, жертвовала собой ради торжества идеи своей партии, она все же не отрекалась от «народничества», как не переставала быть всегда «социалистической», несмотря на то, что сообразно с ее темпераментом, уходила в «политику» и террор.

Но переживаемая разруха, все более крепнущая реакция, гибель многих близких и дорогих людей и такой недавний пример энергичной деятельности партии, увенчавшийся небывалым успехом (1/III 81 г.), воочию говорили нам о наступлении, наконец, и для нас момента войти в практическое дело. Настроение нарастало, являлась жажда работы, чем более опасной и ответственной — тем лучше. хотелось принять участие в борьбе, не прочь мы были и от необходимой жертвы.

В силу некоторых условий, частью личного характера, свое непосредственное участие в революционной работе того времени я мыслил, как участие в ее техническом от-

деле. Моя краткая предыдущая деятельность, — попытки пропаганды и особенно работа среди интеллигентной молодежи, организация кружков и пр., — удовлетворить меня не могла, а широкий размах боевой работы манил к себе своей жизненностью и необходимостью непосредственного приложения. Мое будущее участие именно в технической работе, какова бы ни была ее тяжесть, отчасти и было уже предопределено заранее в моих переговорах с представителями Исполнительного Комитета, с Колоткевичем и особенно с Савелнем Златопольским, почему я и не был удивлен предложением, которое явилось призывом меня на революционное дело.

В середине или конце марта через Христину Гринберг, с которой я часто виделся и которая одна из нелегальных лиц оставалась в Петербурге в это время, я получил предложение зайти в определенный час к Н. М. Саловой. Я не знал, с кем и по какому поводу я буду видаться у Саловой, — «есть дело», сказала Христина, и этого было достаточно, это уже говорило мне о том, что очередь дошла и до меня, и это вполне гармонировало с моим настроением. Оказалось, что командированные Исполнительным Комитетом А. П. Корба и М. Ф. Грачевский уже приехали в Петербург. Мое первое свидание у Саловой было с Корба, именовавшейся тогда Варварой Петровной. В это первое свидание и в последующие на улицах Петербургской Страны, на островах, на взморье, для меня вполне выяснилось предложение Исполнительного Комитета и роль, какую я должен был взять на себя.

Исполнительный Комитет решил устроить в Петербурге мастерскую взрывчатых веществ, заготовить впродолжение возможно динамита и гремучего студня и один или два снаряда. Главная же цель такой мастерской была

учебно-техническая. Все видные опытные техники партии, за исключением Грачевского, погибли, и перед Исполнительным Комитетом встала задача подготовить заблаговременно новых техников и найти для того соответствующих людей. Выбор, по указанной причине, пал на меня, и я охотно с ним согласился. Во время наших свиданий и на прогулках с А. П. Корба я детально знакомился с характером предстоящего дела, с задачами и условиями предполагаемой работы и отчасти с теми целями, которые при этом имелись в виду. Мы беседовали о положении партии, о ее предположениях и ее возможностях; говорили о тех перспективах, на какие можно было рассчитывать при повторении крупного центрального акта, и о величайшей трудности его повторения. Мы сталкивались, но мне было поставлено два необычных условия, как *sine qua non* намеченной работы. Во-первых, решено было для вышедшей конспирации устроиться на конспиративной квартире с подлинным, не поддельным, документом, который притом говорил бы о сколько-нибудь определенном общественном положении хозяина квартиры. Этому условию я мог удовлетворить, взявши документы из Академии, где я числился студентом, а вместе с ними и мой диплом ветеринарного врача; такое общественное положение было сочтено достаточной гарантией для отвлечения от меня, как хозяина квартиры, внимания излишне пытливых и придирчивых агентов охраны. Другое условие, предложенное мне, заключалось в следующем. Уже намеченная хозяйка будущей мастерской оказалась в таком семейном положении, что считала себя вправе отдаться революционным предприятиям лишь под чужой фамилией, чтобы не компрометировать своих престарелых родителей и избавить их от тяжелых переживаний на тот случай, если б она была арестована.

Она убеждена, что ее старики не перенесли бы факта обнаружения участия в мастерской динамита их дочери, носящей их фамилию, и потому она предлагает вступить в фиктивный брак с будущим хозяином квартиры, кто бы он ни был, в свою очередь давая все гарантии его свободы в будущем, если для того явится необходимость. Партия, дорожа намеченной хозяйкой и зная ее выдающиеся качества, признала справедливость ее требований, каковые Варварой Петровной и были предоставлены моему решению и согласию. Оба эти условия не могли не заставить меня несколько задуматься об их последствиях, и я просил Варвару Петровну дать мне на это небольшой срок.

В сущности говоря ни то, ни другое условие принципиально не было для меня неприемлемым. Выход из Академии не играл для меня никакой роли; если даже через год я оказался бы свободным, я отнюдь не терял права на продолжение своего образования; предлагаемый же мне фиктивный брак, при полнейшей свободе моего чувства в данное время, только с одной стороны был мне не по сердцу: перед лицом родных моей будущей жены я должен был, *volens-nolens*, разыгрывать комедию, а в конечном счете явиться перед ними каким-то волком в овечьей шкуре. И когда я после высказывал опасение в этом именно смысле, то та же Х. Гринберг, смеясь, говорила мне: «Чудак! страшится такой простой вещи и не боится возможной веревочки».

Дело было, конечно, не в боязни, не в страхе, а в том чувстве стеснения, какое я должен был неизбежно испытывать при взгляде на меня ее родных, как на причину гибели молодого, талантливого существа, если бы нас с нею постигла катастрофа.

Все остальные условия я принимал с легким сердцем, как солдат, готовый к бою, не спрашивающий, куда поведут

Александр Васильевич Прибылев

1914 г.

(Неизданный портрет из собрания Музея Революции)

его. Было достаточно уверенности, что предстоящее дело вполне совпадает с моими желаниями и моим настроением, а постановления партии, положения которой я вполне разделял, были для меня законом. Я не старался узнать иные цели нашего предприятия, кроме тех, которые мне были указаны, хотя было ясно, что помимо учебно-технических задач здесь преследуется кое-что и более конкретное. Но А. П. Корба на первых порах ни слова не говорила о главной цели предприятия, в которое мы вступали, я же не считал себя вправе обнаруживать неуместное любопытство, и эти отношения обоюдно были оценены вполне правильно, а вопрос выяснился для нас, и довольно скоро, сам собой.

И на моем следующем свидании с Корба я на все дал полное свое согласие и к определенному сроку обещал быть совершенно готовым. Наши свидания прекратились, и я увидал А. П. в следующий раз уже на суде.

Мне оставалось выдержать еще одно испытание у организатора, частью исполнителя предприятия, словом у Грачевского, о котором я много слышал, как о «технике», со-труднике Кибальчича и пр., но с которым до сих пор не встречался. От впечатления, какое получит от меня Грачевский, зависит мое вступление в дело, и потому понятно мое нетерпение, с каким я ожидал свидания и знакомства с ним.

В случайно хороший, теплый апрельский день мы отправились с Христиной по Ждановке ко взморью. Пройдя с версту по набережной, я увидал на самом берегу у воды чисто одетого в высоком цилиндре еще молодого человека; мельком еще издали взглянув на нас, он продолжал возиться с яликом, устанавливал руль и весла и стакивал ялик в воду. Когда мы подошли уже вплотную, он быстро подал нам руку, снял цилиндр, обтер потный лоб и ко-

ротко сказал: «Садитесь». По первому же движению весел я понял, что Грачевский мастер грести, любит воду и лодку и наслаждается нашей прогулкой. Христина села у руля, а я занял самое выгодное для наблюдения положение, усевшись на лавочке как раз против Грачевского. Он скоро сбросил с себя цилиндр, расстегнул сюртук, и я имел полную возможность изучать это энергичное и живое лицо. Ловкая и сильная мускулистая фигура с правильными и размеренными жестами, уверенность и сила в движениях, довольно высокий, стройный рост, цепкие и мозолистые, не боящиеся труда руки, энергичное, здоровое, сильно загорелое, как бы слегка обожженное порохом лицо с очень живыми, острыми, темнокариыми, пытливыми и даже строгими глазами под широким лбом — таково было первое впечатление, произведенное на меня Грачевским. Это лицо портила подкрашенная в темный цвет короткая и слегка выющаяся шевелюра и совершенно не идущая к этой энергичной фигуре, тоже подкрашенная маленькая эспаньолка под нижней губой. Одежда и внешний вид, — начиная с эспаньолки, цилиндра, белого жилета и кончая небрежно накиннутым на руки пальто, перчатками и изящной палкой, — все было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление фата, бездельного фланера по Невскому, но в то же время мало соответствовало резким движениям, пронзительным и умным глазам и мозолистым рукам Грачевского.

Гораздо позднее я узнал биографию Михаила Федоровича, частью из его собственных уст, частью из других источников. Слесарь на железной дороге, народный учитель, радикал, комбинирующий народное образование с пропагандой революционных идей, участник «большого» процесса пропаганды 193-х лиц, при чем он вынес 3¹/₂-годичное одиночное заключение; опять слесарь или машинист

на железной дороге, ссыльный в глухом углу Архангельской губернии, нелегальный после побега из Архангельска, вставший в ряды Исполнительного Комитета и взявший на себя тяжелый труд партийного техника вместе с Кибальчичем и Исаевым, — Грачевский до конца своей безрадостной жизни был стойким борцом с ненавистным режимом абсолютизма, что и запечатлел своей смертью. Известно, что он, как факел, сжег себя в застенках Шлиссельбургской крепости, и никто не расскажет о трагизме последних лет его жизни и об ужасе этой одинокой в стане врагов его смерти. Молчаливо хранят эти тайны только стены его мрачной камеры, эти единственные свидетели пережитых им страданий и дум...

Вот краткая характеристика Грачевского, вылившаяся из-под пера его товарища по работе и по Шлиссельбургу ¹⁾. «Из всех крупных народовольцев к Грачевскому, быть может, более всего приложимо название «фанатик». Это была индивидуальность сильная, самобытная и вместе с тем замкнутая в резко очерченное русло. Его железная воля, раз поставив себе цель, преследовала ее неуклонно, с упорством, которое граничило с упрямством. Никогда не считался он с препятствиями, не признавал возможности отступления... Если когда нибудь в его душе и были колебания или сомнения, они никогда не выносились наружу. Два раза в жизни — в трагический период перед арестом и в тюрьме перед жестоким концом — дальновидный ум мог говорить ему: «Остановись!», но остановиться он не мог и не хотел и холодно смотрел в глаза гибели и смерти. Для публики, для товарищей он был всегда один и тот же: вооруженный с головы до ног, непреклонный

¹⁾ В. Н. Ф и г н е р. — «Шлиссельбургские узники». Стр. 71.

революционный деятель, и в этом смысле во всем движении трудно найти человека более прямолинейного и жизнь более цельную, чем его жизнь. Так иногда видишь в природе могучую глыбу гранита, которого не коснулась рука художника, и он лежит в поле во всей первобытной простоте и силе»...

И я добавлю, что отдавши для торжества революционной идеи всю свою жизнь без остатка, игнорируя собственное здоровье, считая фатально неизбежными для революционера все муки, моральные и физические, Грачевский, соответственно этому, совершенно лишил себя и личной жизни, отказался от естественной потребности всякого человека, за сутолокой повседневной работы — борьбы, найти хоть бы временное отдохновение в единении с другим любящим существом. И эта черта проходила красной нитью через всю жизнь Михаила Федоровича. Между тем этот по внешности суровый и строгий к себе и другим человек был в глубине души мягок и любвеобилен. На родине у него оставалась старушка мать, и он вспоминал ее с большой сердечной болью, хотя и очень редко решался с кем-нибудь говорить о ней, но, когда говорил, было видно насколько глубоко чувствует он неизбежную и, конечно, вечную разлуку с ней. Товарищеское чувство в Грачевском было развито настолько сильно, что слезы навертывались у него на глазах, когда речь заходила о наиболее близких к нему его погибших сотрудниках недавнего прошлого. Наконец, и гибель вместе с ним его молодых помощников самого последнего времени, причину чего он приписывал себе, уже на суде в его горячем последнем слове вызвало такое волнение в нем, что он едва мог сдержать рыдания, что до глубины души трогало и волновало его сопроцессников...

При последующих, ежедневных встречах было не трудно познать эту прямолинейную, несложную, но в то же время своей простотой и безыскусственностью влекущую к себе натуру. Грачевский не был речист. В обыкновенных беседах, за столом, это не был блестящий собеседник, брызжащий фонтаном острот и привлекающий к себе внимание окружающих, это был простой товарищ, чаще всего ограничивающийся деловыми разговорами и лишь изредка вступающий на равных правах со всеми в обыденную непретенциозную беседу; тут больше всего сказывалась простая, безыскусственная натура Грачевского, отвлекшегося от деловых соображений и отдавшего кратковременному отдыху среди равных, среди товарищей. Но чаще всего приходилось видеть его озабоченным и серьезным, несколько холодным деятелем, что объяснялось общим положением дела, где ему пришлось играть выдающуюся роль и инициатора и организатора.

Возвращаясь к прерванному рассказу. Сидя в лодке, мы перекидывались отдельными словами, обменивались замечаниями, словом — знакомились. Путешествие однако не было продолжительным, и, по выходе из лодки, мы попрощались с Христиной и вдвоем отправились на пароход, чтобы перебраться в город. Финский пароход, полный пассажиров, был непригоден для разговоров, и мы молча оглядывали наших соседей. Двое из них обратили на себя мое внимание. Это были, на мой взгляд, явно переодетые жандармы, пристально всматривающиеся в нас; мешком сидящие на них пиджаки, туго стянутый, по-военному, ворот сорочки, высокие сапоги, которым словно не хватает шпор, и общая повадка, обнаруживающая привычку к мундиру — все сильно бросалось в глаза и говорило за то, что я не ошибаюсь. Но Грачевский успокоил меня, заметив, что